

Евгений ДЕМЕНОК

Летописец русского Парижа

Николай Егорович Дронников. По словам известного французского поэта и переводчика Леона Робеля — "самый русский из французских и самый французский из русских художников".

Вот уже сорок лет Николай Дронников живёт в Париже. Он уехал в 1972 году, прервав успешно начавшуюся в СССР карьеру, уничтожив перед этим значительную часть сделанных на родине работ. "Приехал закончить образование — по совету Шагала", — говорит сам художник.

На новом месте всегда трудно начинать — а ещё труднее состояться. Николай Дронников состоялся — не только как художник, создавший прекрасные циклы парижских пейзажей и уже вошедший в историю как автор уникальной серии портретов знаменитых россиян, но и как писатель, издатель, прожекторщик... Приехав в Париж, он поставил перед собой задачу не только узнать о русской эмиграции и эмигрантах всё то, что замалчивалось в Союзе, но и донести эту информацию до всех тех, кто в ней нуждался. В начале 80-х Николай Егорович составил и опубликовал шесть номеров сборника "Статистика России. 1907 — 1917 годы", где представлены интереснейшие данные, замалчивавшиеся тогда в СССР. В своей уникальной домашней типографии Дронников издал более шестидесяти книг с текстами Геннадия Айги и Елены Гуро, Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, своими воспоминаниями и рисунками.

А в своём ставшем легендарным цикле портретов, которые он делал только и обязательно с натуры, Николай Дронников запечатлел Иосифа Бродского и Александра Солженицына, Геннадия Айги и Виктора Некрасова, Владимира Высоцкого и Булата Окуджаву, Андрея Тарковского и Андрея Синявского, Святослава Рихтера и Мстислава Ростроповича — и ещё многих, многих других. "Сегодня моя портретная галерея насчитывает около тысячи портретов — настоящая энциклопедия русской жизни во Франции", — говорит художник.

Николай Дронников любит Одессу, а одеситы отвечают ему взаимностью. Только за

последние десять лет в нашем городе состоялись четыре выставки его иллюстраций, графики и живописи. Он является почётным членом Всемирного клуба одесситов и членом редколлегий альманаха "Мория". Тесная дружба и общение с поэтом Игорем Поточким принесли свои замечательные плоды — многократно уже переизданная повесть Игоря "Улица Розье" немислима без иллюстраций Николая Дронникова; Игорь за последние годы выпустил в нашем городе пять книг с текстами и рисунками художника.

Прошлой осенью мне повезло — я несколько раз бывал у Николая Егоровича дома. Идея взять интервью возникла спонтанно — я понял, что просто обязан это сделать. Представляю вашему вниманию нашу беседу.

— Николай Егорович, давайте начнём с самого начала. С чего начался ваш путь в искусстве?

— Давай возьмём шире — как я открыл для себя культуру, и не только русскую культуру. Я рано начал читать по-немецки. Мой старший брат хорошо учился в школе, и я тянулся за ним. Мне к началу войны было 10 лет. И вдруг — война с немцами. Но немецкая культура всё равно меня привлекала, я никогда от неё не отказываюсь — ни от художников, ни от мыслителей, ни от музыкантов. Для меня это очень высокая культура. Я же всё-таки крестьянского происхождения.

И тут брат притащил домой книгу "Наполеон" академика Тарле — её только издали.

— Шикарная книжка.

— Да, шикарная. А она как раз за месяц до войны вышла. И вот представь — война, мне 11 с половиной лет, и я всю её проштудировал и даже стал Кодексом Наполеона искать. Вот так французская культура начала в меня проникать. А тут ещё брат притащил толстый том Мопассана — "Милый друг" и всё такое прочее. Я всё это тогда уже прочитал. У брата было много альбомов по искусству — и немецкому, и французскому. Я уже многих художников знал к тому времени — и Добужин-

ского, и Бенуа... Брат учился в художественном училище памяти 1905 года, на Сретенке, в которое и я потом поступил — из-за него, конечно. Но учиться рисовать мы начинали ещё в студии Дома пионеров на Большой Полянке. И там брат начал писать маслом на холстах — отступление французов из Москвы, это была зима 41-го, и второй холст у него был — "Бородино". Темы понятны — шла война. Моего педагога по скульптуре взяли в ополчение, и он сразу погиб под Москвой. И уже тогда преподаватель студии лепки выставил мою скульптуру "Весна" — отлитый из гипса мальчик запускает кораблик — и выставил за две недели до начала войны. Мне было десять, в августе уже одиннадцать. Он сам отлил его в гипсе из моей глиняной фигурки.

Педагогом брата по живописи был Куницын, старый интеллигент, а заменила его женщина по фамилии Лившиц, кажется, и она сразу же почувствовала во мне подготовку культурную и принесла мне альбом Музея изобразительных искусств, созданного на основе коллекций Щукина и Морозова. В этот Щукинский дом я потом ходил. И в этой коллекции меня сразу наповал сразили Матисс и Ван Гог.

Я занимался в студии лепки при Доме пионеров. В советское время было очень хорошее художественное образование, не надо от этого отрезаться. Сначала была студия, потом училище, потом институт. Я всё это прошёл. На Таганке Высший Суриковский институт. Я учился у академика Алпатова, Чегодаева.

— Вы приехали во Францию в конце 60-х?

— В 1968 году я приехал просто так, а уже в 72-м приехал и в Россию уже не вернулся. Я — невозвращенец.

— В вашей книжке о Шагале (о вашей с ним встрече) стоит дата — 1968 год. Вы уже тогда у него побывали?

— Да, прямо в первый приезд. Он жил тогда на юге, Сан-Поль-Ванс.

— А кто вас привёл к нему? Вы уже имели друзей во Франции?

— Дело в том, что моя жена работала в агентстве "Франс-Пресс" — она была там единственной, кто знал русский язык. И, естественно, мы вращались в кругу дипломатов, корреспондентов, в артистическом кругу. И один из них — очень хороший, директор французского телевидения, и он ездил в Витебск снимать передачу о Шагале. Поэтому мы все туда поехали, и меня туда взяли. Я был в агентстве негласным консультантом по русскому искусству, со мной там советовались...

— После училища вы окончили Суриковский институт?

— 17 апреля с 4-го курса я уехал служить в армию. Я уже получил тему диплома, это был 51-й год, а темой была тема вождя, такую тему дали только двум с курса — как отвертеться от неё? Это или Сталин, или Ленин. Как отвертеться? Я попал в неудобное положение. Меня мать с пелёнок агитировала против советской власти. Ни отец, ни мать эту власть не признавали. И это было для меня испытанием. Биографию я не хотел портить. И тут к нам пришли прямо на курс и раздали повестки. В Красноярск увезли. На пять лет, не меньше. Там я служил на аэродроме. Я плохо слышал, во время войны бомба взорвалась в пяти метрах от меня, и все три дома, три барака были разрушены. Мы вырыли с отцом и соседом блиндаж, но не успели его закончить, отлетать. Когда бомбы упали, я сидел у входа. Если бы стоял — меня бы уже не было. А так — контузия, у меня нет ушной перепонки. В Красноярск меня взяли в армию. И вернулся я опять на 4-й курс училища, снова его прошёл. За пять лет службы я всё забыл — чуть азбуку не забыл. Всё пришлось восстанавливать.

— До отъезда, ещё в Союзе, вы участвовали в выставках? Индивидуальных, групповых?

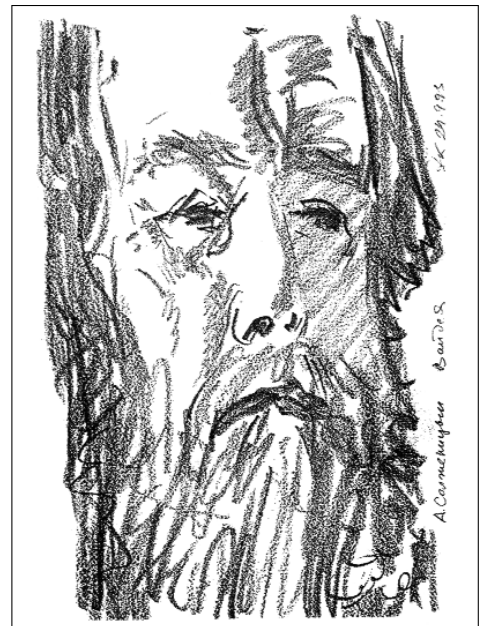
— Открой биографию Шемьякина — там у него если не две тысячи, так тысяча выставок. На квартире устроили выставку — он уже написал. Я к этому не стремился. Конечно, участвовал. Я и в Манеже выставлялся — с работой "Разгром немцев под Москвой". Это было в 1966-м. Я тогда принадлежал к суровой школе, работал в суровом стиле.

— Для любого эмигранта адаптация на новом месте представляет собой серьёзную проблему — а для человека искусства она сложнее вдвойне. Как вы искали себя во Франции? И, конечно же, хочу спросить о портретной серии русских эмигрантов и вообще великих россиян — вашем фирменном знаке.

— Ну, тут нужно вернуться обратно в Россию. Дело в том, что портретом я занимался с самого начала. Тогда, когда читал "Милого друга", или даже раньше. Я понял, что они у меня получаются. Один из первых портретов, который у меня получился, был Щорс. За Сталина с Лениным я даже братья не хотел. А Щорс — тоже герой. И, естественно, до отъезда сюда я писал много портретов. Даже

Александр Галич.

Александр Солженицын.

Виктор Некрасов.

квартиру в Москве купил двухкомнатную в кооперативе. А на что я её купил? Ходил и помогал художникам — там Ленина поправить, тут Хрущёву бородавку посадить. Прихожу к одному — смотрю, у Ленина два левых ботинка и шнурков нет. Вот и шнуровал, пуговицы пришивал, не говоря уже о том, что весь портрет менял.

Но мы отвлеклись. Конечно, первые два года здесь я сходил с ума. Потому что я разрабатывал там русский пейзаж — в суровом стиле. У меня была большая тема Москвы и Подмосковья — это меня полностью увлекало. Мы же знали тогда только передвижников, жанровые сценки, а пейзаж был на задворках. Я стал им интересоваться — и так узнал Соколова. А приехал сюда, залез на Монмартр — а ведь там каждый фонарь уже по многу раз нарисован и продан. Каждая ступенька нарисована и продана. Что же, мне тоже идти в это? Что я мог уже тут сделать? А там-то, в России, эта тема вообще не была

